

ПРОВАЛ СИМФОНИИ

“Если бы в аду была консерватория”

15 марта в Петербурге под управлением А. Глазунова состоялась премьера Первой симфонии С. Рахманинова. На концерте присутствовали Н. Римский-Корсаков, В. Стасов, Ц. Кюи, М. Беляев, Э. Направник, Ф. Blumenфельд; из Москвы приехали С. Танеев, М. Слонов, Ю. Сахновский, Н. Сатина, Е. Крейцер.

“Сережа забрался на витую лестницу, ведущую из зала на хоры. Глазунов флегматично стоял у дирижерского пульта и так же флегматично провел Симфонию. Он ее провалил. Кюи все время качал головой и пожимал плечами. Стасов и Беляев неодобрительно переглядывались”. (Л.Д. Ростовцова-Скалон).

“Концерт был самый неудачный в сезоне. Ядром его явилась d-moll'ная симфония Рахманинова, не совсем удачно переданная, а потому далеко не понятая и нецененная публикой. Это произведение, заключающее в себе немало новых порывов, стремления найти новые краски, новые темы, новые образы, все же производит впечатление чего-то недосказанного, неразрешенного”. (“РМГ”, апрель).

“Если бы в аду была консерватория, если бы одному из ее даровитых учеников было задано написать программную симфонию на тему “семи египетских язв” и если бы он написал симфонию, вроде симфонии г. Рахманинова, то он бы блестяще выполнил свою задачу и привел в восторг обитателей ада...”. (Ц. Кюи, “Новости и Биржевая газета”, 17 марта).

А.В. Оссовский глубоко проанализировал причины провала симфонии и пришел к выводу, что “различие художественных индивидуальностей С.В. Рахманинова и А.К. Глазунова усугублялось несходством идеологических, художественных и технологических установок между музыкальными школами, к которым принадлежали автор и исполнитель: московской [...] и петербургской”.

ДЕПРЕССИЯ

“Результатом этого печального для композитора события был почти трехлетний перерыв в творчестве. Проданная Гутхейлю

еще до исполнения, Симфония, по просьбе автора, так и не была напечатана. [...] С прекращением сочинения сократилась и значительная часть дохода, получаемого от продажи произведений. Лежа целыми днями на кушетке, он мрачно молчал, почти не реагируя ни на утешения, ни на убеждения, что надо взять себя в руки, ни на ласку, которой близкие старались поднять его дух. Он говорил только, что сможет начать писать, если у него будет определенная сумма денег в течение двух-трех лет, которая позволит ему забыть о необходимости зарабатывать к определенному сроку деньги. Ему были необходимы средства не только на собственное существование, но и для обеспечения матери”. (С.А. Сатина).

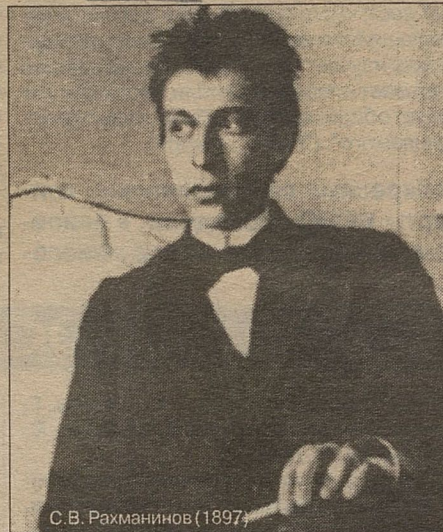
“Бубек раз встретил его [Рахманинова] на улице, спросил, что он поделяет, сочиняет ли, и тот ответил, что он больше не композитор. Выглядел он плохо, был бедно одет и жил в каких-то меблированных комнатах”. (М.Е. Букиник).

“В ту весну 1897 года на почве неврастности у Сережи были жестокие боли в спине, ногах и руках. Он очень страдал, и доктор посоветовал ему прожить лето где-нибудь в деревне [...] В Москве мы нашли Сережу в самом ужасном виде. Он сильно исхудал, и каждое движение вызывало у него невралгические боли”. (Л.Д. Ростовцева-Скалон).

В мае С. Рахманинов написал А.В. Затаевичу: “[...] Я удивляюсь, как такой высокоталантливый человек, как Глазунов, может так плохо дирижировать? Я не говорю уже о дирижерской технике (ее у него и спрашивать нечего), я говорю об его музыкальности. Он ничего не чувствует, когда дирижирует. Он как будто ничего не понимает! [...] В данную минуту, как видите, склонен думать, что виновато исполнение. Завтра, вероятно, и это мнение переменю. От Симфонии все-таки не откажусь. Через полгода, когда она облежится, посмотрю ее, может быть, поправлю ее и, может быть, напечатать — а может быть, и пристрастие тогда пройдет. Тогда разорву ее...”.

ДИРИЖЕР В ЧАСТНОЙ РУССКОЙ ОПЕРЕ

“В театре царствует настоящий хаос”

С.В. Рахманинов (1897)

Рахманинов начал дирижировать в Частной русской опере С. Мамонтова осенью. В течение сезона 1897/98 под управлением Рахманинова были исполнены 8 опер и состоялись 33 спектакля: “Аскольдова могила” Верстовского — 7 раз полностью и 3 раза только III действие; “Русалка” Даргомыжского — 6 раз, “Самсон и Далила” Сен-Санса и “Майская ночь” Римского-Корсакова — по 5 спектаклей, “Кармен” Бизе — 4; по одному разу исполнены “Орфей” Глюка, “Рогнеда” Серова, “Миньон” Тома.

“[...] У нас ведь действительно в театре царствует настоящий хаос. Никто не знает, что будет не только послезавтра, а что будет завтра, даже сегодня. Петь некому, не потому, что певцов нет, а потому, что из нашей большой труппы в 30 человек] вроде 25 человек] за негодностью нужно выгнать. Давать также нечего. Т.е. опять-таки репертуар огромный, но все идет так скверно, так грязно (за исключением одной “Хованщины”), что 95% репертуара нужно или совсем выкинуть, или переучить по-настоящему. Театр не достигает ни художественной, ни коммерческой хорошей стороны. Например, в близком будущем решено возобновить “Аскольдову могилу” и “Громобой” Верстовского. Ну скажите, пожалуйста, будет ли какой-нибудь художественный или коммер-

ческий толк от этих поганых опер? Когда же я предложил вместо этого поставить всего “Манфреда” Шумана с Шаляпиным в главной роли, то мне ответили, что тогда вместо частной оперы выйдет литературно-артистический кружок. [...]”

Бедна наша в том, что главные наши заправили или не особенно умные люди в музыкальном деле или не особенно честные. Плохо еще то, что нами заведует не один хозяин, а десять хозяев, причем каждый говорит что-нибудь свое, что не согласно с мнением другого. Но хуже всего то, что С. Мамонтов сам нерешителен и поддается всякому мнению. [...]”

Все-таки я служу еще пока в театре и надеюсь выдержать эту службу до конца сезона, хотя, исключая денежной стороны, мне никакой пользы это время не принесет, потому что дирижерский рубикон я перешел, и мне теперь нужно только безусловное внимание и подчинение к себе оркестра, чего я как второй дирижер никогда от них не дожусь. Между прочим, один из этих господ недавно при всей публике и оркестре дал пощечину Эспозито за, будто бы, какую-то ужасную брань, сказанную последним. Составлен протокол. Музыкант этот, говорят, так ловко его ударил, что Эспозито был сшиблен с ног и пенсне его сломалось. Боже мой! Дело будет разбираться у мирового судьи. [...] Эспозито продолжает дирижировать”. (С.В. Рахманинов. Письмо Л.Д. Скалон, 22 ноября).

“Я начинаю, кажется, страдать черной меланхолией. Факт! Этой меланхолии я предаюсь не менее часу в день. Сегодняшний же день она поглотила весь, и я даже сегодня дураком ревел. Все-таки креплюсь. Мне это очень дорого. Вечером я решаюсь из театра уходить; утром решаюсь на этот день хоть остаться. Водки и вообще вина я еще не начал пить, хотя почти каждый день бываю в числе приглашенных С. Мамонтовым в трактире, где сижу и молчу, но я готов дать почти честное слово, что, если дела не изменятся, то я начну пить. Меня к этому очень тянет. [...]”. (С.В. Рахманинов. Письмо Н.Д. Скалон, 6 декабря).

Рахманинов “Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 16 января 1898 года за № 5 произведен в чин коллежского секретаря со старшинством от 18 марта 1897 года”.